ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 31.08.2021 | Александр Баунов

Мир после выхода США из Афганистана

Отступление США из Афганистана нанесло серьезный удар по репутации Запада. Может ли Россия извлечь из этого выгоду?

В то время как афганское правительство теряло власть над столицей, США утрачивали контроль над информационным пространством, в котором привыкли задавать тон. Если верно, что контроль над информацией равносилен контролю над миром, нет нагляднее свидетельства, что Соединенные Штаты больше не его безраздельные хозяева.

Картины из кабульского аэропорта оживили не только стершуюся память об оставлении Сайгона. Многие обратили внимание, как совершенно спонтанно видеозаписи из Кабула без чьей-либо воли встали в ряд с картинами нападения исламских террористов на Нью-Йорк 11 сентября 2001 года. Не только из-за самолетов и падающих людей, картин массовой паники и беспомощности американцев, но и потому, что поспешная эвакуация из Кабула – финал войны, начатой в ответ на события 11 сентября.

Сейчас, когда Америка уходит к себе, «Талибан» остается рядом с нами в центре Евразии

Даже СССР, проигравший холодную войну, не оставлял свои феоды столь беспорядочно: ни выход из Афганистана, ни падение Берлинской стены не были так унизительны. Демократы справедливо присвоили внешней политике Трампа постоянный геройский эпитет «хаотичная», но если бы у Трампа был сейчас его ядовитый твиттер, он бы рассказал, что такое хаос.

Злорадство, с которым многие встречают новости из Кабула, – самое неразумное чувство, хотя трудно удержаться от мысли, что если бы эти картины оказались так или иначе связаны с Россией, Турцией или Китаем, многие из тех, кто призывает сейчас к сдержанности, предались бы неразумному ликованию. В конце концов, Америка не

удержала очень далекие и не самые важные рубежи, в то время как в случае СССР дошло до распада территории. И сейчас, когда она уходит к себе, «Талибан» (запрещен в РФ) остается рядом с нами в центре Евразии.

Выступая после событий трагического кабульского уикенда, президент Байден не стал уклоняться от своей части ответственности и тем самым попытался восстановить контроль над информационной ситуацией. Это выступление важно для России тем, что переформатирует миссию США в Афганистане и других странах-союзниках, где Вашингтон взялся опекать переход к демократии. Теперь США выступают как более жесткий тьютор, снимая с себя ответственность за конечный результат, или, говоря словами Байдена, «мы не можем победить в войне за тех, кто отказывается сражаться». Кроме того, новое толкование ограничивает миссию США: теперь ее целью названа исключительно собственная безопасность, а не чужой успех.

Новое толкование ограничивает миссию США: теперь ее целью названа исключительно собственная безопасность, а не чужой успех

После терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года все были согласны, что нужно срочно ответить и так оставить нельзя. США подверглись атаке на своей территории, подобную которой не смогли осуществить их самые сильные противники по двум мировым и холодной войне. Америка вновь почувствовала себя участником большой войны и, не имея противника в виде государств, назвала ее войной против террора. Чтобы подчеркнуть связь с прежними большими войнами, ее спикеры попытались оживить термин «исламофашизм».

Прежнее участие США в больших войнах заканчивалось переформатированием мира. В нем распадались империи-соперники, а демократий и дружественных США государств становилось больше. Кроме военной и внутриполитической логики – наказать виновных и продемонстрировать своим гражданам, что они отмщены и впредь защищены, у администрации Буша возникла третья мотивация – по аналогии с прежними войнами переделать ту часть мира, откуда пришла угроза, чтобы навсегда устранить ее источник. Так родилась идея нового Ближнего Востока, которому после Западной и Восточной Европы и Восточной Азии пришла пора присоединиться к миру прозападных демократий. В самом начале нынешнего века Америка находилась на пике могущества как

недавний победитель в холодной войне, у которого не было соперников. Россия и Китай уже выразили по ряду вопросов свою особую точку зрения, но отстаивали ее гораздо сдержаннее, и до нынешней напряженности между ними и Западом было далеко.

В качестве целей для начала трансформации США выбрали государства, атака на которые встретит минимум моральных возражений. Правительство талибов, которые за пять лет до того захватили власть в Афганистане, почти никто не признавал, оно прославилось на весь мир издевательством над женщинами и уничтожением памятников культуры, не контролировало север собственной страны и бравировало дружбой с «Аль-Каидой». Против Саддама Хусейна, сертифицированного и уже битого международной коалицией злодея, было проще собрать новую, хотя не обошлось без возражений даже из самого западного лагеря. Но конечной целью обеих интервенций было не просто устранение опасностей, а именно запуск нового Ближнего Востока, который должен был присоединиться к новой Европе и новой Азии.

Этого не произошло, хотя оба режима быстро пали. Бен Ладен в итоге обнаружился и был убит в союзном Западу Пакистане, а среди совершивших теракты по миру именно афганцев и именно талибов практически не было. «Талибан» оказался скорее локальной, чем глобальной проблемой. Ирак Саддама Хусейна был крайне жестокой, но светской диктатурой и, как стало ясно по ходу событий, не имел прямого отношения к международному терроризму и не обладал оружием массового поражения, в чем его официально обвинил госсекретарь Колин Пауэлл с трибуны ООН. Зато в образовавшемся после его свержения вакууме в еще худшей форме исламского государства расцвел тот самый экстремизм и терроризм, которому предполагалось учинить показательный разгром.

В своей речи президент Байден дистанцировался от задач своих самоуверенных предшественников: «Наша миссия в Афганистане никогда не предполагала строительство государства. Она никогда не предполагала создание единой, централизованной демократии. Нашим единственным жизненно важным национальным интересом в Афганистане сегодня является то, что и всегда: предотвращение нападения террористов на нашу родину, Америку… Наша миссия должна быть направлена исключительно на борьбу с терроризмом, а не на борьбу с антиправительственными силами или на национально-государственное строительство».

Президент Байден не водит слушателей за нос: не он, а его конкуренты-республиканцы придумывали новый Ближний Восток.

Однако у многих неизбежно возникает чувство обманутых надежд. Байден мог с самого начала видеть задачу так, как описывает, но другие видели ее иначе – исходя из могущества Америки и по аналогии с прежней переделкой при ее участии проблемных регионов в мирные и процветающие.

Уход из Афганистана и Ирака – это признание того, что невозможно совершить демократическое чудо извне

Теперь оказывается, что американцы 20 лет держали огромные не только свои, а многонациональные силы, посланные десятками государств, для того чтобы избежать неприятностей на собственной территории. Имевшие надежды, что Америка, предлагая союзничество, ставит целью их процветание, ошибались: оказывается, она ставит целью исключительно собственную безопасность. Откровенный отказ воевать чужие войны испугал тех, кто чувствует себя под угрозой.

Сейчас, 20 лет спустя, кажется, что не было ничего нелепее этой афганской войны, несмотря на то что за нее проголосовал Совбез ООН и Россия в его составе. 20 лет международная коалиция – это традиционное уже название для американской армии и союзников – воевала, чтобы установить реальный контроль над страной, но так и не смогла. Зато после ухода иностранных войск талибы в считаные дни захватили страну, на завоевание которой западные армии положили два десятилетия. Как и после ухода СССР оттуда же, армия правительства, за которое воевали иностранцы, не смогла и не захотела воевать без своих покровителей и их денег, а само такое правительство оказалось непопулярным, несмотря на множество прогрессивных благодеяний, подпорченных, впрочем, жестокостью и коррупцией.

Выход из Афганистана и Ирака – это поворотный момент, он означает конец попыток Америки равномерно осчастливить весь мир. Война в Афганистане стоила США, по разным оценкам, от полутора до двух триллионов долларов. Это в сто с лишним раз больше, чем бюджет Никарагуа, чьи беженцы сейчас ломятся через южную границу США. Если следовать не логике преображения мира, а собственной безопасности, лучше не разбрасываться, а превратить свои окрестности в регион относительного благополучия. Это не говоря об исправлении внутреннего неравенства. Кроме этого, весьма вероятно, что в обоих войнах за прогресс погибло больше местных жителей, чем за то же время погибло бы при соответствующих диктатурах талибов и Саддама:

ему бы сейчас исполнилось 85, мог и не дожить.

Уход из Афганистана и Ирака – это признание того, что невозможно совершить демократическое чудо извне. Правительство Буша-младшего, которое начало обе войны, ссылалось на опыт послевоенных американских президентов, преобразивших тоталитарные Германию и Японию. Это сравнение – большая ошибка. Германия с Австрией, Италия, Япония до установления тоталитарных режимов были догоняющими, но вполне модернизированными, правовыми и парламентскими обществами, которые в течение десятилетий реформировали себя сами. Поражение в войне не столько поставило их на новый верный путь, сколько вернуло на старый. Такого плодородного субстрата на Ближнем Востоке нет и в помине. Наоборот, Ближний Восток за редким исключением, к началу американской интервенции являлся территорией провалившихся модернизаторских экспериментов. Они были провалены и светскими монархами, и хунтами социалистической ориентации (Афганистан попробовал и то и другое), и исламскими демократами. За время интервенции к списку добавилась еще одна, тоже малоудачная попытка исламской демократической модернизации в виде «арабской весны».

По этим ближневосточным экспериментам видно, что местный субстрат, а не извне приложенные усилия решают исход дела. Те, кто надеется на демократическое чудо где бы то ни было в результате правильно приложенных внешних усилий, обманываются: получится не Япония, получится Афганистан. Такой род чудес происходит только изнутри, и, как правило, это долгое чудо. Золушка превращается в принцессу постепенно – сперва шапочка, потом воротничок, потом бантик, а когда дойдет до туфелек, у нее уже будут свои, без принцевых подарков.

У желающих превратить каждую неудачу Запада в победу России может возникнуть желание занять опустевшее место – и с большой вероятностью оказаться на грани аналогичного краха

Какие выводы может сделать Россия из самоограничения Америки. Многие увидели в сценах в аэропорту печальное свидетельство равнодушия Запада к развивающемуся миру и его прозападно настроенным гражданам. В действительности мы, пусть в менее наглядной форме, наблюдаем такое равнодушие уже второй год подряд. ВОЗ даже призвал богатые страны притормозить ревакцинацию, так как идея массовой регулярной ревакцинации окончательно похоронит попытку более равномерно распределить вакцины по миру.

> Но вряд ли правительства развитых стран внимут этому призыву. Пандемия поставила безопасность выше альтруистического, говоря советским языком, интернационального долга, а западные ценности теперь не столько набор для распространения по миру, сколько инвентарный список того, что нужно удержать и сберечь в собственных границах.

СССР покинул Афганистан не просто от военной слабости. Он ушел в момент глубокого внутреннего кризиса и разочарования граждан в собственном государстве. Стратегии «завоевания умов и сердец» афганцев у СССР и США были похожи – замените слово «демократия» на слова «социализм», «равенство», «развитие», и за рамками военных действий встанут те же стройки, школы и больницы, тысячи студентов в вузах, оружие для армии, концерты, библиотеки, музеи для интеллигенции. Но трудно завоевывать сердца чужих граждан в тот самый момент, когда теряешь сердца своих.

США покидают Афганистан в момент, может быть не столь всеобщих, но тоже весьма глубоких сомнений. Страна, которая гордилась равными возможностями, вдруг рассказывает о себе как об обществе системного наследственного неравенства; партии, на которых стоит политическая система, находятся в поиске нового лица, граждане поляризованы и пока не нашли новой объединяющей идеи. Бывший экспортер демократии скромно объявляет себя импортером безопасности. Однако собственная безопасность – так себе увлекательная международная идея, она вряд ли вдохновит других.

У желающих превратить каждую неудачу Запада в победу России непременно в той же самой точке на карте может возникнуть желание занять опустевшее место – и с большой вероятностью оказаться на грани аналогичного краха. Надо понимать также, что не везде Запад так легко (за вычетом 20 лет войны) сдаст свои позиции. После разгрома «Аль-Каиды» у США в Афганистане действительно не было жизненно важных, несдаваемых интересов, но это не значит, что их нет в других местах и что там они поведут себя так же. Опасно и легкомысленно будет механически распространять тактическое поражение в одном месте, на все возможные случаи и терять голову. Наоборот, слова о прекращении чужих войн и приоритете собственной безопасности надо принимать с оговорками: если подвернется случай восстановить утраченный

престиж патрона и союзника, Соединенные Штаты им воспользуются с удвоенным рвением.

И в Украине, и в России спикеры запутались, как этот нынешний Афганистан показать на себе: то ли это американцы так побегут из Киева, то ли русские из Донецка

Опасно, мечтая о поражении геополитического конкурента, пусть невольно, отождествлять себя с талибами. И в Украине, и вслед за ними в России спикеры запутались, как этот нынешний Афганистан показать на себе: то ли это американцы так побегут из Киева, то ли русские из Донецка. Показывать на себе, как известно, дурная примета, а талибы – сильное войско, в частности потому, что состоит из тех, кому буквально нечего терять, чего не скажешь о большинстве граждан других стран. Талибы бесконечно далеки даже от самых ядреных постсоветских консерваторов, и антиамериканский настрой не делает их по умолчанию друзьями Москвы и ее среднеазиатских соседей. Предыдущее правительство талибов в Афганистане единственными в мире признало Ичкерию Масхадова – Дудаева.

Симметричная опасность состоит в том, что любители большой игры на американском конце провода могут захотеть интернационализировать свое поражение: пусть «Талибан», который посрамил американцев, посрамит и русских, китайцев, среднеазиатские режимы. К счастью, пока больше тех, кто считает, что это слишком опасно.

Зато более сдержанное понимание Америкой своей зарубежной миссии может помочь раскрепостить политическое и общественное пространство в не западных странах, включая Россию. Если Запад действительно будет умерять желание извне переделывать чужие общества с помощью своих ценностей и институтов, можно с меньшей опаской пользоваться этими самыми ценностями и институтами, которые в таком случае перестанут быть уловками чужой экспансии, геополитическими капканами, а станут тем, чем они были в самих западных обществах, когда те двигались к могуществу и процветанию, – важными инструментами собственного социального благоустройства и внутренней модернизации.

Данная статья впервые вышла на сайте Carnegie.ru и публикуется с



Александр Баунов

Москва

Александр Баунов (Alexander Baunov) является главным редактором Carnegie.ru. Он – журналист, публицист, филолог, бывший дипломат. Ранее был старшим редактором независимого интернет-издания Slon.ru, где писал статьи на международные и внутренние темы — о современной российской идеологии, внешней политике России, месте России в современном мире, Украине, кризисе в Евросоюзе, арабских революциях, московских протестах 2011-12 годов и т. д. Также он публиковался во многих других изданиях.